

Елена Бодрова • Татьяна Букалаева • Татьяна Жигалова
Антонина Малышева • Любовь Рыбкина • Елена Тимохина
Анна Трифонова • Нелли Ускова • Анита Ферн

Тижамная вечеринка

До рассвета о любви

**Елена А. Тимохина
Нелли Ускова
Елена Эдуардовна Бодрова
Татьяна Войнова
Татьяна Букалаева
Анита Ферн
Антонина Малышева
Анна Трифонова
Любовь Рыбкина
Пижамная вечеринка.
До рассвета о любви
Серия «Теплые истории
о любви (Аттикус)»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74164576

*Пижамная вечеринка. До рассвета о любви: Махаон, Азбука; М.;
ISBN 978-5-389-33749-7*

Аннотация

Когда старинные часы бьют полночь, наступает время откровений. Какао уже согрето, гирлянды развешены, и большой

дом, наполненный ароматами печенья и карамели, ждет только их – подруг, собравшихся после долгой разлуки.

Начинаем пижамную вечеринку! Конечно, они будут танцевать, кричать любимые песни в караоке, готовить вкусности и делиться секретами красоты.

Но главное – их истории. О поцелуях у моря. Творческих муках и слезах, смешанных с краской. О признаниях, которые дороже любых подарков, и чувствах, переживших годы тишины. Все они о любви.

И если чья-то история еще не рассказана – значит, она только начинается.

Содержание

Музыка Веры	15
FW: Интервью_открытие сезона	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**Елена Бодрова, Татьяна
Букалаева, Татьяна
Войнова, Антонина
Малышева, Любовь
Рыбкина, Елена Тимохина,
Анна Трифонова, Нелли
Ускова, Анита Ферн
Пижамная вечеринка.
До рассвета о любви**

© Малышева А. П., текст, 2026

© Тимохина Е. А., текст, 2026

© Рыбкина Л. Б., текст, 2026

© Букалаева Т. А., текст, 2026

© Шатрова А. В., текст, 2026

© Жигалова Т. Л., текст, 2026

© Игоница А. В., текст, 2026

© Романова Е. Э., текст, 2026

© Ускова Н. Н., текст, 2026

* * *

чать? – по-девичьи взволнованно ворковала Маргарита Се-
рафимовна в трубку.

Катя обожала бывать у бабушки: та всю жизнь работала дизайнером интерьеров, и, сначала из профессионального любопытства, а потом из-за развившейся страсти к красивым вещам, бабушка увлеченно коллекционировала диковинки со всего света. Ее загородный дом – причудливый микс современных технологий и самых странных старинных вещей. Девочкой Катя обожала часами играть с антикварной мебелью и статуэтками, осматривать каждую комнату, как музейный зал. Но бабушка часто была занята, и вдруг такая возможность!

Катя была бы и рада помочь, но вот время влюбиться бабушка выбрала очень уж неудачное. Самостоятельная жизнь в столице, куда Катя так рвалась из родного городка, оказалась сложнее, чем представлялось. Поездки в шумном метро, толчея, многочасовые пробки, крошечная комнатка в общежитии с неприветливой соседкой, пары-пары-пары. А еще длинная зима с коротким московским днем: встаешь в хмурую утреннюю тьму, из университета выходишь в сопливые сумерки. В уставший от серости и напряженной учебы Катин мозг никак не залезали ни корейский, ни сольфеджио (Катя с детства играла на виолончели, а теперь вот в университетском оркестре), да и по вышмату и логике обозначились «хвосты». Хоть плачь! А тут еще бабушка со своими амурными делами.

Катя собиралась отменить поездку домой на праздники, а кота и кактусы повесить на маму. Та тоже обожала уютный бабушкин дом, особенно в отсутствие самой бабушки. Но и мама выкинула фокус: купила горящую путевку на дыхательный ретрит. Теперь бабушка будет ходить с палками и долговязым Петром Аркадьевичем по набережной Адлера, мама – сидеть в позе йога среди пальм и кораллов, а она, Катя, – мокнуть в налитых в дырявый поселковый асфальт лужах и ночевать в огромном доме без соседей и успокаивающих огней города за окном. Не праздники, а оживший кошмар!

Спасла положение, конечно, Ульяша. Ее рыжик, любимая творческая натура и будущий Бэнкси в кудряшках. С первого школьного дня, когда Катя, неловко поскользнувшись на свежeweымытом полу в раздевалке, рухнула на коренастую девочку с копной лохматых бронзовых кудрей, та и стала ее лучшей подругой.

После выпуска Ульяна и Катя договорились вместе ехать в Москву: Катя – учиться на востоковеда, а рыжик – на художественный в Строгановку. Катя зацепилась, а Ульяна заваляла математику. Теперь она учится на заочке в областном центре, собирает концептуальные мудборды, постит грустные акварели в соцсетях, а по ночам даже балуется граффити на бетонном заборе вдоль местных ж/д путей. «Держит мину при плохой игре», – называет это Катина мама. «Не теряет присутствия духа, несмотря ни на что!» – про себя считает сама Катя, но все равно старается не расстраивать подругу

рассказами о столичной жизни.

– Ты чего расквасилась, Пойнтик? Весело будет! Бабулин дом наконец свободен, а ты слезы лить. – «Пойнтиком» Катя стала во втором классе. У них тогда начались первые уроки английского, и Ульяне очень уж понравилось слово «pointy» (острый) – оно невероятно шло Кате: нос у той заострен на кончике, скулы впалые, косточки на плечах, локти и ключицы выпирали. Угловатая Катя и характером вышла колючая, как ежик. Вот так и сложилась их парочка: Рыжик и Пойнтик.

– Спасем мы твои кактусы, я уже и Маринке в Питер сообщила, и Ксю приехать обещалась. Знаешь что? Мы пижамную вечеринку устроим! Так что собирайся, жду!

Этот разговор состоялся у них во вторник. А уже в четверг неунывающая Ульяна встретила подругу на автовокзале, в пятницу они закупились в любимом вещевом теплыми пижамами. После трехметровых потолков в столичных торговых центрах, ярко освещенных залов и безликих белых стен магазинов, где они с мамой с детства закупались одеждой, показался малюсеньким. Но как же приятно было поболтать со знакомой продавщицей, вдохнуть запах новой одежды и долго разглядывать каждую вещь. Ульяна выбрала себе плюшевую зеленую пижаму с причудливыми огурцами, а Кате досталась желтая с глазастыми ромашками. И вот в субботу с королевским размахом они въехали в бабушкину резиденцию!

Ульяна опустила тяжелые сумки, целых пять минут восторженно охала и ахала в уютной двухуровневой гостиной с голубым диваном и декоративным камином напротив. А потом деловито закатала рукава и потащила всех на кухню: рубила колбасу, гремела салатниками, распаковывала бесконечные свертки с едой.

Катя аккуратно раскладывала по тарелкам бутерброды. Ксю (она же Ксения Абрамова из параллельного 11-Г, лучшая в школе спортсменка), уже перетаскавшая в гостиную закупленные снеки, коробки с соками и водой, стояла теперь у подруг над душой, пританцовывая под одну только ей слышную музыку.

– Не мельтеши ты, Ксю, отвлекаешь! – не выдержала Ульяна. Она то и дело кидала на подругу долгие, сочувственные взгляды. Выяснилось, что Ксю уже две недели как рассталась со своим бойфрендом и скрывала от них, – и Ульяна с минуты на минуту ждала прорыва плотины, слез отчаяния и заедания разбитого сердца мороженым. Но вместо этого Ксю пребывала в приподнятом настроении. Ее мешковатые штаны с огромными карманами скорее подходили для хип-хопа, чем для ленивой объедаловки в компании подруг, лицо застыло в широкой улыбке, по щекам рассыпались блески с густо покрашенных зелеными тенями век.

– Эй, побольше жизни, подруга! Еще только четыре часа, а я тут с вами засыпаю, никакого движа. Маринка, что ли бы, уже пришла, все повеселее будет, – парировала Ксю. Прось-

бу «не мельтешить» она демонстративно проигнорировала: сделала очередную восьмерку из шагов в узком дверном проеме, прокрутилась на месте и дважды отжалась от стены.

Ульяна шумно выдохнула, сложила губы в полоску. Катя заметила, как по шее у нее пошли красные пятна, как напрыглись пальцы. Ульяна грохнула нож на стол и уже было набрала дыхания, чтобы наброситься на Ксю, но Катя вмешалась раньше:

– А знаете, чего не хватает? Музыки! У бабушки на втором этаже был граммофон и пластинки...

– А просто на телефоне поставить нельзя? – наконец замерев на месте, спросила Ксю и закатила глаза.

– На телефоне не аутентично, – отмахнулась Катя и уже проскользнула куда-то в темную глубину бабушкиной обители. Ульяна и Ксю переглянулись и потянулись за ней.

«Моя каморка» (как называла эту комнату сама бабушка) была больше похожа на музей, экспозицию которого составили из старинных и странных вещей, чем на комнату отдыха пенсионерки. Были здесь и вышитые бисером картины в потемневших рамах, и кружевные, явно самодельные, салфетки на всех поверхностях. На подоконнике ютились те самые, требовавшие спасения кактусы. Тихо пробравшись в приоткрытую дверь за девочками, серый бабушкин кот тут же прыгнул на подоконник, поближе к лохматым колючкам и стал с подозрением принюхиваться.

Вдоль правой стены в комнате высился темный пузатый

гардероб, закрытый на старомодный резной ключ, а напротив стояла софа, накрытая лоскутным одеялом со стопкой из пяти разноцветных подушек.

Граммофон приютился в самом углу у окна, спрятавшись под любимым бабушкиным пончо, неаккуратно брошенным в спешных сборах. Рядом, в нижнем отделе библиотеки, нашлись и пластинки. Ульяна шумно выдохнула от удивления и села перебирать тихо шуршащее ассорти: звезды советской эстрады перемежались с западным тяжелым роком, а изгибы виолончелей и роялей отмечали композиции классиков. Нашелся даже узнаваемый неоновый розовый круг на альбоме известной k-поп-группы.

– Серьезно?! – схватила пластинку Ульяна и так вылупила глаза на Катю, что той даже страшно стало, что шары подружки вот-вот вывалятся из глазниц.

Катя пожала плечами: «Я, мол, тут ни при чем» – и вдруг заметила еще одну пластинку. Никаких опознавательных знаков: ни обложки, ни подписи. Ровный черный диск, строго оберегающий тайну внутри. Катя машинально положила пластинку на опорный диск граммофона, примерилась иглой... и комнату вдруг наполнила нежная музыка. Сопровождавший ее легкий треск напоминал горящий в камине огонь. Музыка была незнакомой и явно не современной.

Ксю скорчила недовольную рожицу, протянула Кате что-то повеселее из разбросанной теперь по полу, разнородной бабушкиной коллекции, но вдруг все трое замерли. Музыка

притихла и на ее фоне зазвучал голос, история...

Музыка Веры

**Любовный треугольник. Прощание
навсегда. Второй шанс. Cottagecore**

Он

Софт-бой	Редфлаг
♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥
Молчаливый	Болтун
♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥
Эмпат	Эмоциональная зубочистка
♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥
Мачо	Ботан
♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥
Сигма-бой	Крип
♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥

Она

Софт-герл	Хаос-герл
♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥
"Помоги"	"Я сама"
♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥
Заботливая	Контрол-фрик
♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥
Муза	Королева
♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥
Тревожница	Чилловая
♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥

Вместе

Флафф	Стекло
♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥
Поддержка	Зависимость
♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥
Они против мира	Мир между ними
♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥
Остаться	Бежать
♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥
Комфорт	Качели
♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥

У Веры было круглое лицо, ямочки на щеках, заразительный смех и русая челка, которую так и хотелось потрогать в надежде понять, насколько мягко пружинит она под рукой. У Сени была чуть смущенная, детская улыбка и черные волосы как раз такой длины, чтобы нужно было то и дело откидывать их с лица, а глаза совершенно синие. В то лето многие видели их в подмосковном Борякове и окрестных поселках – они мчались на велосипедах вдоль заборов: он – длинный, неизменно в черном, она – маленькая, чаще в белом, и болтали так счастливо, как только могут шестнадцатилетние влюбленные; и счастье их было так огромно, пока вдруг все не закончилось.

Знакомство состоялось случайно – эта Дуня сама разболталась с Верой на детской площадке. Вера любила детей, даже думала о педагогическом, и делать ей все равно было нечего. Поэтому, когда малышка с аккуратными косичками потянула ее за шорты со словами «Покрутите меня, пожалуйста!», Вера не только устроила ей крышесносную карусель, но и придумала, что карусель – это космический автобус, который путешествует на планету булочек, на планету принцесс, на планету, покрытую снегом... Дуня была в восторге и радостно прыгала по площадке. Откуда-то набегали другие детишки, и скоро «космический корабль» собрал неплохую команду. Все смотрели, раскрыв рты, на свою неутомимую капитаншу. Вот тут-то Веру и заметила мама

Дунечки. «Настя, просто Настя», – так она потом просила ее называть.

– Извините, я долго уже наблюдаю... Вы так хорошо поладили с Дуней. А далеко живете?

Слово за слово (нет, недалеко, у бабушки на даче – как оказалось, всего через улицу) выяснилось, что Дуне нужна няня. Всего на несколько часов в день, только на участке, и делать ничего не нужно – просто развлекать ее, пока Настя работает или занимается своими делами.

Вообще-то Вера на каникулах работать не собиралась, но от удивления согласилась: трудно было отказать Насте, не поддаться магическим переливам голоса. От нее шла такая теплая волна, особенно когда она улыбалась – совсем как от ее сына, но тогда Вера этого еще не знала. Эта женщина была словно из другого мира или с обложки журнала: идеальный дачный образ в пастельных тонах, идеально лежащие белокурые волосы, неведомые духи – видимо, ужасно дорогие.

Отчего же не поиграть пару часов в день с милым ребенком? Ведь у Веры не было друзей в этом поселке. Она приехала издалека, из Сибири, и целыми днями читала у себя в мансарде, ела клубнику да каталась по окрестностям на велике, но, впрочем, на одиночество не жаловалась. Ей было хорошо на старой даче с бабушкой и вечерними кострами. Связь ловила отлично, и наушники работали, и старые друзья всегда были на другом конце провода, а новых она не искала. Но все же становилось скучновато, так что практика

будущему педагогу не помешает, да и деньги, честно говоря, тоже.

Бабушкину дачу построили давно; замшелый заборчик стоял с самого основания поселка. Когда-то тут селились начальники, герои и профессора – в прекрасном сосновом бору. Времена минули, но место не перестало быть элитным, и теперь рядом с наследниками ветхих построек жили дачники новые – в коттеджах за высокими кирпичными заборами. Такой забор был и у Насти: чтобы войти, нужно было жать на кнопку двери. А уж внутри! Вере стало даже не по себе: какой ровный газончик, какой огромный дом... Такой нелепой она себе показалась в своих дачных босоножках, да еще с этим велосипедом. Но Дуня уже бежала к ней по вымощенной плиткой, продуманно искривленной дорожке, радостно вопя:

– Ура, моя Вера пришла!

Настя была очень мила: показала комнату дочки, предложила брать на кухне все, чего душа пожелает, и устроилась в кресле-качалке у камина – за окном как раз начало накрапывать.

О, какие были у Дуни игрушки! Полный шкаф ярких книжек на трех языках, и огромный кукольный дом с мебелью из натурального дерева и, кажется, настоящим паркетом, и киты всех пород, и жираф чуть ли не в натуральную величину... а какие наборы конструкторов! Вера играла, позабыв обо всем, и Дуня была на седьмом небе от своей нянь-

ки. Только один раз девушка замерла, держа куклу за ногу, и вернулась ненадолго в реальность: с верхних этажей послышалось фортепиано. Мелодия казалась до боли знакомой.

– Кто это играет? – спросила она Дуню.

– Сеня, мой старший брат, – ответила девочка. – А у тебя есть брат? А я еще не играю! Но, когда вырасту, мне купят скрипку! Ну давай, давай дальше! Куда куклы пошли?

Вера очнулась и занялась куклой. В конце «смены» мама-Настя проводила ее, а Дуня прыгала вокруг и просила завтра прийти пораньше, и все было замечательно, но почему-то мысли возвращались к этой музыке вновь и вновь.

Она приходила каждый день и всегда узнавала от Дуни что-то про старшего брата: «Сеня выиграл сто тыщ олимпиад по химии и математике», «у Сени много медалей по гимнастике и грамот с музыкальных конкурсов», «он уже чемпион мира», «скоро пойдет в одиннадцатый класс», «Сеня говорит на вообще любом языке, честное слово». Вера не знала, какая часть этих рассказов – выдумки, но заранее прониклась неприязнью к незримому Сене. Это надо же было оказаться таким сыном маминой подруги! Мало того, что он здесь хозяин, а Вера – прислуга, так этот человек-невидимка решил превзойти ее абсолютно во всем, вознестись на недосягаемые высоты.

В дождь они играли в доме, в хорошую погоду бегали по участку – места хватало. Там был и аккуратный сад, и целая сосновая роща, а в самой глубине этого подлеска стоял вто-

рой дом – такая же старая дача с ромбиками-переплетами в окнах и с рыжей хвоей на крыше, как у Вериной бабушки.

– Это наш старый дом, – сказала Дуня, прыгая на одной ножке. – Мы его потом снесем, а сейчас туда просто ходим. Пошли! Давай мы принцессы, а это будет наш дворец?

Внутри царил холод и полутьма, поскольку все окна за-слонял цветущий жасмин. Дом был именно таким дворцом, в котором обитают принцессы, вампиры и призраки, – с высоченными старыми шкафами, стульями на тонких гнутых ножках, со скрипучей узкой лестницей.

– Смотри! – Вера распахнула пыльный шкаф на втором этаже. – Да это настоящий принцессочный гардероб!

– Ура! – Дуня потащила с вешалки пыльное платье с пышной юбкой: – Давай нарядимся! Да тут точно все можно брать, мама разрешает.

Вера помялась, а потом решительно нырнула в платье: все равно Настя сюда вряд ли забредет и увидит.

Мутное зеркало в дверце шкафа не могло соврать: платье сшили как будто специально для нее, Веры. Теперь она девочка-колокольчик, выпускница-шестидесятница из старого фильма, наивно глядящая в светлое будущее. А если сюда еще соломенную шляпку с искусственной сиренью и лентами? Теперь она принцесса – призрак старого дома, девушка, сошедшая с фото в тяжелой рамке.

Дуня уже напялила кружевную кофточку (та волочилась по полу), прицепила кисейный шарфик к волосам и ускакала

вниз. Вера услышала с лестницы ее крик:

– Старшая принцесса! Тут пираты!

– Бегу на помощь! – Вера схватила со стены деревянную бадминтонную ракетку и стала палить из нее, как из ружья: «Дыщ, дыщ!» Вдруг на лестнице она оступилась и покати-лась вниз, хохоча. Развалившись на полу, подняла глаза и вскрикнула – над ней возвышался темный силуэт. Кто-то проник в старый дом. У него были широкие плечи, синие глаза, черные брови – а Дуня карабкалась ему на спину и, высунувшись из-за плеча, закричала Вере:

– А Сеня давай будет у нас пиратом!

«Так вот ты какой, Сеня...» – подумала Вера, а сама толь-ко кивнула:

– Здравсте.

Парень молчал, и Вера уж подумала, не будет ли он ругать ее за то, что взяла одежду, но потом сразу поняла – не будет. Хотя Сеня говорил без выражения и вроде бы ни о чем – да он просто так зашел, можно дальше играть, он уже уходит, – было нечто такое в его голосе, от чего она сразу ощутила: она дома, нашла то, чего всегда ждала. Больше нечего искать. В душе как будто запела музыка, так же внезапно, как начина-ется летняя гроза.

На другой день они опять играли в новом доме, и опять слышалось фортепиано, только Дуня, расшалившись, побе-жала к брату. Вера, не удержав ее за сарафанчик, тоже вло-милась в комнату, откуда неслись звуки, и застыла, с улыб-

кой слушая, потому что это была и ее музыка.

– Нравится? – Дуня лукаво улыбнулась, подергала за рукав. – Сеня сочинил!

– Все ты врешь, – прошептала Вера, бупнув малышку в нос. – Это Таривердиев.

Музыка смолкла. Парень обернулся. Долго и с удивлением смотрел на нее. В его глазах читалось любопытство.

Стоял нежный июнь, погода была переменчивой, и все смешалось. Как вспомнить теперь, в какой день было что? Вот он подсаживается к ним на веранде – играть в настольную игру; вот они уже болтают о том, кто жил на старой даче раньше, о музыке, о школах, о Сибири... Вот он выходит за свои огромные ворота с великом, а она ждет на обочине – он вызвался проводить, и они молча едут рядом до бабушкиной калитки. «Ну, пока!» – Он встряхивает волосами и так хорошо улыбается: «Покатаемся завтра подольше?»

Вере было что ему показать. Сама-то она все окрестности изъездила, а Сеня, хоть и местный, сроду не вылезал за свою ограду, когда находился тут, – знал дорогу только до магазина.

– Здесь жил когда-то легендарный разведчик! – кричала она, оборачиваясь на ходу. – А вот за тем шоссе сейчас будет озеро!

– Поехали до соседней станции? – говорил он. – Там, кажется, есть старый храм...

Он был очень занят все время – оттого и не сидел сам с

сестренкой. Вечно мотался в город по каким-то своим делам. Иногда, уходя с участка, Вера встречала его на дорожке, и при матери Сеня едва заметно кивал ей – должно быть, стеснялся, – но зато, когда бывал посвободнее, приходил играть вместе с ними.

Однажды они втроем обследовали их старый дом – теперь Вера знала, что это дача прадеда Дуни и Сени, который был профессором. Сеня знал в ней каждый уголок и сыпал историями из жизни всех поколений своей семьи, певших здесь когда-то песни и бегавших с ракетками, в соломенных шляпах. Он потащил сестру с Верой в каморку на чердаке и выволок оттуда огромный ящик старинных игрушек. Дуня завизжала от радости и кинулась разбираться, спрашивая, есть ли тут киты. Сеня мотнул головой и взял с верхней полки невзрачную книжечку:

– Смотри, Вер, ты оценишь, наверное. Поэтический сборник 1923 года.

– Ого! – выдохнула Вера. – Тут у вас такие сокровища! А ты уже уходишь? – добавила она, потому что парень двинулся к лестнице как бы нехотя (ах, хоть бы он остался – как хочется остаться здесь навсегда, жить призраками в этой старой развалюхе, и ничего больше не нужно: пусть он просто носится рядом по горячим от зноя дорогам, просто рассказывает про прадедушку, а она будет ахать и смотреть в его глаза). Только он хотел сказать что-то, как закричала Дуня:

– Нет! В прятки! Ты обещал поиграть в прятки!

– Ну, давайте один разок. Но только в пределах старого дома, – сказал Сеня.

Вера спряталась за полосатой занавеской в новой для себя комнате. Здесь был такой же высокий потолок и полумрак, но помещение казалось более обжитым, чем другие, – запах был другим. Она с удивлением заметила сухие букеты цветов на столе, прошлогодний каталог косметики, черную резиночку и тюбик крема на разохшемся подоконнике. Здесь кто-то жил совсем недавно – и это точно не Настя. Но подумать об этом не удалось. Послышались быстрые шаги, Сеня откинул штору, и Вера по привычке заливисто засмеялась, а он смущенно улыбнулся, наклонился и вдруг поцеловал ее – так, словно это был последний раз, а вовсе не первый.

Все продолжало держаться в тайне, и Вера не спрашивала почему – должно быть, неэтично влюбляться в девушку, которая работает в твоём доме. Сеня избегал ее при Насте, они держались друг от друга на расстоянии при Дуне. Но под столом хватались за руки как утопающие; писали друг другу до тех пор, пока на рассвете не начинали петь первые птицы; при каждом удобном случае он мчал к ней на велосипеде. И тогда они ехали в звенящие ромашковые поля, в еловую чащу у болота, к поселковому ДК... Да куда угодно, главное – вместе!

Вера любила его черные футболки с непонятными надписями, крепкие руки с длинными пальцами; любила его красный велосипед и отличала звук его звонка; любила музыку,

которую он присылал ей; его прадедушку, незримым призраком бродившего с ними по скрипучим ступеням старого дома; его одноклассников, которых он так смешно, в лицах изображал; любила макушку каждой сосны на громадном участке и каждый камешек на клумбе у коттеджа. Конечно, однажды придется уехать, но в будущее Вера не заглядывала, а просто рассказывала о себе. Сеня тоже любил все в этих рассказах; он любил Веру с той минуты, когда она в белом платье упала ему под ноги.

Однажды Настя своим мелодичным голосом сообщила, что теперь у нее отпуск и есть свободное время, да и к ним приедут пожить гости, поэтому Вера пока может не приходить. Но, конечно, они всегда ей рады – и так далее... Вера сначала расстроилась, но потом даже обрадовалась: в последнее время стало тяжелее возиться с Дунькой. Совсем не придумывались новые игры. Да и как, если все мысли витают на втором этаже: не донесутся ли оттуда шаги или, может, музыка? Гораздо лучше видеться подальше от тех, кого надо сторониться. Вера ушла с легкой душой, а Сеня стал сам приезжать к ней – бабушка его полюбила, поила компотом, с расспросами не лезла.

Вот только он приходил редко – гораздо реже, чем Вере мечталось, – и тревожно оглядывался, порой брал ее за руку, как будто собирался сказать что-то очень грустное, но в последний момент улыбался и говорил какую-то ерунду вроде: «Вот слышал анекдот!», «Прочитал новость!» – или предла-

гал посмотреть, пасутся ли козы за речкой. А потом его глаза снова темнели, и он обнимал ее как в последний раз, как будто спрашивал: «Ведь несмотря ни на что? Правда же?» В такие моменты Вере становилось не по себе, но вопросов она не задавала и лишь ночью, когда по крыше лупил дождь, ворочалась и плакала, не в силах сама себе объяснить отчего.

* * *

Кита она купила прямо в электричке. Глядя на забавную плюшевую игрушку, невозможно было не вспомнить Дуню, которая как раз коллекционировала китов.

Вечер выдался тёплым, солнце уже чуть розовело. Вера с бабушкой вернулись после прогулки по Москве. Этот кит пришелся очень кстати – Вера решила завалиться в гости без приглашения и вручить его Дуне в память о дружбе – ведь спать девочка ложится только в девять.

– Бабушка, я пойду кита занесу. Буду позже.

Она позвонила, и ей открыли, но никто не встретил на дорожке. Вера побежала к дому, и волна сверкающего счастья накрыла ее, как бывало всегда, когда она слышала Сенью. Прямо как сейчас! Она обернулась на звуки его голоса и не поверила своим глазам.

От старого дома, петляя между сосен, шли двое, но не просто рядом – было видно, что они пара. Девушка с фиолетовой прядью в волосах опиралась на розовый костыль. Ид-

ти ей было трудно, и, хотя с другой стороны Сеня бережно поддерживал спутницу под локоть, та все же ойкнула и оступилась. Затем смущенно улыбнулась, а потом положила голову на плечо парня – привычным, отработанным, нежным движением. Она была высокой, выше Веры – ей не надо было вставать на цыпочки, чтобы дотянуться до плеча. Незнакомка была изящной, как с картинки, и вместе с Сеней смотрелась очень, очень хорошо. Но вот он увидел неожиданную гостью. Вера кивнула ему – целая вечность прошла, пока голова возвращалась обратно, пока темнели его синие глаза.

Что стало с китом, она не помнила. Наверное, так и остался лежать там, на дорожке. Вера выбежала прочь очень быстро и домчалась, задыхаясь, до бабушки.

– Что случилось?

– Ничего...

Она и правда не знала, какими словами это объяснить. Казалось, будто закат стал черным, и лишь одна мысль крутилась в голове: «Это неправда. Не может быть...»

Вера ела разогретые блинчики с чаем, но не чувствовала вкуса; смотрела в экран телевизора, но как бы сквозь, не видя сериала... Вдруг она почувствовала, что бабушка смотрит на нее, а болтовню персонажей пререзает какой-то звук – лучший в мире – звонок его велосипеда.

Он не написал – просто приехал и встал у калитки. Она как в тумане вывела из сарая свой велик – ведь бабушка должна думать, что они, как обычно, едут кататься.

Вера села и покатила. Молча. Сеня следом. Она ехала все быстрее и быстрее, разгоняясь как никогда, а он не отставал. «Мы сейчас разобьемся...».

Но вот дорога пошла в гору, и силы оставили Веру. Перед ней вырос косогор, где корни сосен торчали из глинистого обрыва, а внизу у подножия стучали электрички. Она слезла с велосипеда, села на траву. Сеня – рядом. И все рассказал.

Ее звали Маша. Это она когда-то ночевала в старом доме. Такая у нее была причуда – нравилось, как «дышат» деревянные стены.

– Понимаешь, – говорил Сеня, одну за другой срывая травинки, – иногда кого-то нельзя бросить. Это предательство, понимаешь? Например, человек попал в аварию и лежит в больнице. Долго лежит, умирает практически. Если бы я оставил ее, то кем был бы? Мне все говорили, что ей нельзя волноваться – нужно думать о хорошем, чтобы выздороветь.

– Так ты к ней ездил, что ли? – пробормотала Вера – В больницу?

Он пожал плечами:

– Мы в любом случае с ней... Ну... Старые друзья. С самого детства – мамы наши еще дружили. Только вот... – Сеня покачал головой, запустил руки в густые волосы и почти простонал: – Не знаю, зачем мы вообще начали с Машей встречаться... Неправильно это. Я не знал, как сказать ей, чувствовал, что все кончено, но никак не выходило... Потом эта авария... А затем я встретил тебя.

– И мне тоже ты не мог сказать, да? – Вера встала, отряхнула штаны. А когда Сеня кинулся к ней, отстранилась. – Нет уж. Дуне привет передавай.

Он что-то говорил, кричал даже, но слова тонули в стуке колес ехавшего под ними товарняка, да и ветер засвистел в ушах – аж да боли.

* * *

Вера очень быстро уехала домой, в Сибирь. Стерла все контакты, не отвечала на звонки. Никому ничего не рассказывала – просто не было слов, чтобы описать. Она жила как прежде: с осени пошла в школу, волонтерила у первоклашек. Только плейлист сменила. И больше не носила летящие белые юбки. А еще раз за разом беззвучно открывала рот, глотала слезы, когда стояла под душем.

Однажды Вера смотрела в окно на последнем уроке: лучи солнца уже начали розоветь, и она поняла – что-то изменилось. Как будто сдвинулся камень в душе, и тишину вот-вот, как когда-то, прорежет музыка. Вера с трудом дождалась последнего звонка. Домой шла почти как всегда, хотя и немного быстрее.

А когда вышла из лифта, то замерла.

На нижней ступеньке лестницы сидел он и смотрел на нее.

– Узнал у твоей бабушки адрес. Вроде как чтобы открытку отправить, – сказал Сеня и улыбнулся.

При звуках его голоса музыка вновь потоком хлынула в сердце Веры, и она засмеялась – заразительно, как раньше. А он встал и коснулся ее челки, будто хотел понять, пружинит ли она под рукой. Как раньше.

– Бо-о-о-жечки, как это трогательно! До глубины души прямо, – первой нарушила удивленное молчание Ульяна. Она украдкой стерла наворачнувшиеся слезы, сняла пластинку с граммофона и уставилась на нее, будто та каким-то чудесным образом покажет ей продолжение.

– И не говори! Неужели вот так бывает и в жизни: настолько сильная любовь, чтобы найти во что бы то ни стало! Круто было бы, чтобы и меня так однажды кто-то разыскал, – откинулась на спину Катя и мечтательно взглянула вверх. Там, в геометрии бабушкиного потолка, на нее таранилась хрустальная люстра.

– Да-а-а, а то везде надо самой инициативу проявлять, и вообще...

Ульяну, настроившуюся уже было на длинную пламенную речь, вдруг перебил громкий хруст. Катя вынырнула из мечтательной неги и приподнялась на локтях. В дверях стояла Ксю с постным лицом и полным ртом попкорна. Всем своим видом подруга давала понять, как ей наскучили подобные разговоры. Ульяна шумно выдохнула и предупредительно спросила:

– Ксю-ю-ю, ты что-то хочешь сказать?

– Не-а, – буднично пожала плечами Ксю. – Считайте,

слишком стара, чтобы верить в такие байки. Очередные любовные сопли. Ни на грамм не правдоподобные.

Ульяна с Катей заговорили разом:

– Ну уж знаешь!

– Да ну, ты чего?

Но Ксю только выше закатывала глаза и продолжала нарочито громко хрустеть:

– Знаете, я уже так устала от этого. Куда ни глянь, сплошь любовные похождения. Такое ощущение, что от нас, девочек, не ждут ничего серьезнее этих возвышенных охов-вздохов.

– Да ты сама еще недавно... – начала было Ульяна, но Катя одернула ее за руку, выпучив на подругу глаза и выразительно покачав головой. Ульяна, казалось, поняла намек, но Ксю уже приняла вызов.

– Что я недавно? Ну, договаривай, раз начала... – требовательно проговорила та и, даже отставив попкорн на стол, сложила руки на груди.

Сгустившуюся тучу назревающей ссоры прервал дверной звонок.

– Маринка приехала! – преувеличенно радостно выпалила Катя и первой побежала вниз открывать. Девчонки, еще раз потыкав друг друга колючими взглядами, последовали за ней.

– Приветик! Еле добралась, такси не хотели везти за город. Держите комбучу, ничего я не пропустила? – спрашива-

ла раскрасневшаяся от поездки в душном салоне такси Марина. Сняла модные кожаные сапоги, аккуратно поставила их на обувницу. Повесила на плечики пудровое пальто, разгладив на нем все до единой складки и смахнув зацепившееся за ворот перышко.

– Почти ничего, мы только начали экскурсию по дому. Там у бабушки чего только не нашлось! – заговорила Катя, но Ульяна прервала ее:

– Ну как же не пропустила: вот наша Ксю рассталась со своим парнем и теперь оспаривает любовь. «Не доставайся же ты никому», как говорится.

Ульяна с вызовом уставилась на Ксю. Марина удивленно заморгала и тоже посмотрела на подругу, требуя объяснений. Ксю фыркнула, развернулась и прошагала обратно в гостиную. Девочки потянулись за ней: Ульяна – решительно, Катя – с обреченным выдохом, Марина – с задранными до середины лба бровями. Ксю заговорила не раньше, чем все снова расселись кто где: на диване, на полу, в кресле.

– Я не оспариваю *любовь*. Просто говорю, что надоели все эти амурные истории сейчас везде. А ведь есть куча других, не менее интересных тем! – всплеснула руками Ксю.

– Ну каких, например? Давай, предложи что-то. Спорт твой ненаглядный?! Футбольными матчами посоветуешь себя на праздниках развлекать, да? – напирала Ульяна.

– А вот и нет! Недавно, например, наткнулась на интересную статью. До конца не дочитала еще, но там не про лю-

бовь вашу, а про дружбу! Мальчик-футболист и девочка, тоже футболистка, и вот они с детства вместе, ходили в одну секцию, тренировались у одного тренера...

– И что? Ни взгляда, ни поцелуйчика прямо-таки? – допытывалась Ульяна.

– Говорю же, не дочитала пока, но, надеюсь, нет! – парировала Ксю.

– Доставай свою статью, почитаем вместе...

FW: Интервью_открытие сезона

Друзья детства – любовь. Слоуберн. Второй шанс. Карьера vs Чувства

Он

Софт-бой	Редфлаг
♥♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥♥
Молчаливый	Болтун
♥♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥♥
Эмпат	Эмоциональная зубочистка
♥♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥♥
Мачо	Ботан
♥♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥♥
Сигма-бой	Крип
♥♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥♥

Она

Софт-герл	Хаос-герл
♥♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥♥
"Помоги"	"Я сама"
♥♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥♥
Заботливая	Контрол-фрик
♥♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥♥
Муза	Королева
♥♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥♥
Тревожница	Чилловая
♥♥♥♥♥♥	♥♥♥♥♥♥

Вместе

*Привет! Это Женя Грин с портала Sports.ru, общались в подтрибунке после матча в субботу. Лови вопросы для интервью на нашем сайте! Ожидая развернутых и честных ответов Будет круто, если успеешь ответить до ** февраля 202* года.*

Кто твой лучший друг?

Пашка Дронов, мы с ним с шести месяцев вместе. Однажды моя мама придержала на выходе из магазина дверь для его мамы. Обе были с громоздкими зимними колясками, полными пакетами и большим желанием поговорить «хоть с кем-нибудь, кроме ваших отцов» – они нам с Пашкой так потом описывали свою первую встречу. С крыльца продуктового наши мамы и начали дружить: сначала гуляли с колясками по району, потом с нами – по детским площадкам. Бегали по очереди за кофе, на маникюр друг друга отпускали. В общем, сошлись на почве материнства. Ну а мы, получается, сошлись на почве материнства наших матерей... Или как-то так.

Главное, что нас с ним объединяет, – это футбол. Тетя Катя Пашку в четыре с половиной первый раз на занятия привела, а я потом сама напросилась: скучно было его ждать просто так у кромки. Сергей Алексеевич, тренер, оценил мои старания мячик щечкой подавать и позвал играть в команду.

«А чего такого? – сказал он тогда моей маме. – За границей никакого деления на мальчиков и девочек нет. Все малыши занимаются в одной группе. Пусть Кристина лучше к нам присоединяется, чем по дворам будет шастать».

Так я попала в команду.

* * *

– Все окей, Крис? – Пашкин голос вывел из задумчивости. Забыла совсем, что пошла инвентарь собирать, да так и застыла у ворот. Ребята уже все в раздевалку ушли – только мы вдвоем и остались. Я кивнула, присела на корточки и стала спешно запихивать мячи в большой мешок. Они скользили, вырывались из рук, щекотали ладони налипшими струнками травы.

– Давай помогу! – Пашка шумно опустился рядом, протянул худощавые руки к мешку и придерживал края, пока я складывала. – Ты что-то молчаливая сегодня, Акиньшина не ругаешь, что запускал за шиворот все, что летело, на Самодулова ни разу не пожаловалась...

– Да в порядке все, Паш, устала просто...

– Алексеич расстроил чем? Я видел, вы выходили из подтрибунки вместе, про сезон что...

– Да не случилось ничего, говорю! – Голос сорвался на визг, последний мячик, словно испугавшись, выскочил из мокрых ладоней и покатился к центру поля. Перед глазами

все смазалось, и я поскорее отвернулась.

Пашка поднялся, догнал мяч, технично перекинул с ноги на ногу, подбросил носочком вверх, поймал одной рукой и положил к другим. Затянул мешок.

– Пойдем, скоро свет погасят.

Мой взгляд скользнул по лицу друга. Пора было ему уже подстричься: челка от пота прилипала ко лбу и лезла в глаза. Я взялась за протянутую горячую ладонь, встала. Стерла слезы со щек и пошла рядом. Небо за искусственным прямоугольником света было уже совсем черным, у прожекторов роилась стая мушек. Я почувствовала, как Пашка обнял меня за плечи; футболка его была насквозь мокрая, а от кожи шел жар. Он все еще тяжело дышал после тренировки.

– Не бойсь, Крис, мы в этом сезоне всех порвем, вот увидишь! Мы с тобой лучшие и обязательно там будем! Все при нас: скорость, техника. Немного уже нам до юношеской команды осталось...

– Тебе, Паш. Сергей Алексеевич затем и звал, чтобы предупредить. Играю до Нового года, а дальше надо женскую команду искать. Что-то там по правилам запрещено. До одиннадцати лет только в смешанной, и все. А мне уже как бы двенадцать.

Он застыл на месте, я не сразу это заметила. Еще пару шагов сделала, обернулась к нему.

– Ты шутишь? – спросил Пашка наконец, поводя кадыком. И когда только он так выпирать стал? Раньше шея у

Пашки была совсем короткая, а теперь вдруг вытянулась. Вырос он, что ли? Да так, что вторым стоит на линейке после Самодулова.

– Но в Энске нет женской команды! Алексеич тронулся, да?

– Ну Энск твой не последний вариант, – прошипела я и сама удивилась, как злобно это прозвучало. Вот не хотела вообще ничего Пашке говорить, знала же, что так и начнет все эти общие выводы делать. Сейчас еще «все будет хорошо» затынет. – Сергей Алексеевич обещал письма написать. В области вроде как планировали девчачью молодежку собирать, а нет – так в Москву ездить буду. Четыре часа на автобусе – не слишком уж и страшно. Из Сибири вон вообще только самолетом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.